

Koimonogatari

Конец Хитаги

Если вы, дорогой читатель, открыли эту книгу с мыслью, что теперь-то завеса раскроется описанием истории от лица Сендзёгахары Хитаги, то вы глубоко обмануты. Из данного обстоятельства вам следует выучит урок: всё, написанное в книге, обман.

И не только в данной книге.

Написанное на бумаге есть ложь.

Неважно научная ли то литература, документы ли, отчёты или репортажи — всё это ложь.

Ничего, кроме лжи.

Не глотайте жадно продажные слова.

Как по мне, верить книгам, предложениям, словам — полное безумие. Всё, что я здесь скажу, всё, что здесь скажет мошенник Кайки Дэйсю, не обязательно будет правдой.

Однако же не скажу, что свойство людей верить в то, в чём следовало бы сомневаться, ничуть мне не понятно — я зарабатываю на жизнь, пользуясь этим самым свойством.

Люди желают знать правду.

Или скорее желают думать, что то, что они знают, правда, а что такое правда это уже второстепенно. Недавно постулат теории относительности Эйнштейна «никакая материя, имеющая массу, не может двигаться быстрее скорости света», такой вот «факт» был опровергнут.

Опубликовали «факт» о том, что нейтрино, о котором большинство добропорядочных граждан, наверное, и слыхом не слыхивали, лишь на одну миллиардную или даже одну десятимиллиардную долю секунды быстрее, и тут же толпа запаниковала от такого удивительного и ужасающего «факта».

Однако как по мне, довольно интересный момент, что люди почему-то до сих пор продолжают верить теории относительности, предложенной Эйнштейном. Конечно же, я не имею особых знаний в этом и не понимаю ни строчки в этой теории, но большинство добропорядочных граждан не смыслит в теории относительности так же, как и в нейтрино.

Почему же принцип о том, что «никакая материя, имеющая массу, не может двигаться быстрее скорости света» с самого начала приняли за «факт»? Скорее всего, потому что усомниться затруднительно.

Сомнения это стресс.

«Возможно, существует материя, которая быстрее скорости света», если мы изо дня в день будем сомневаться в каждой мелочи, это вызовет стресс. Люди подвержены стрессу.

В общем, люди скорее «не хотят сомневаться», чем верят. Они хотят верить, что этот мир, их окружение достаточно надёжны, чтобы можно было быть спокойным и довериться.

Хотят спокойствия.

Верят, чтобы не впасть в паранойю.

Пусть лучше даже будут обмануты, чем засомневаются, потому многие и верят в глупости и всякие тайны.

Идеальное общество для таких людей, как я. Нет, не общество, даже не система, а конкретно люди, наверное.

Людские разговоры.

Люди верят другим, верят теориям, верят в странности и ёкаев, потому что такова людская природа.

Как бы ни изменялись мир и общества, люди не изменятся.

Люди есть люди.

Человечество.

Не меняются и не могут измениться.

И потому если вы надеялись, что эта история начнётся с рассказа одной лишь Сендзёгахары, то настоятельно рекомендую Вам серьёзно обдумать это дело.

Рекомендую не стесняясь.

Если не желаете нести потери, сомневайтесь. Усомнитесь даже в фразе «потери ведут к победе».

Если хотите узнать правду, прежде познайте ложь.

Разве лучше быть сумасшедшим?

Конечно, так же, как нужно сомневаться в существовании нейтрино, которое быстрее скорости света, вы должны и усомниться, действительно ли я — мошенник Кайки Дейсю.

Вдруг я — это Сендзёгахара Хитаги, которая притворяется Кайки Дейсю? «Считается, что дневники пишут мужчины. Теперь за это дело попробует приняться женщина», так около тысячи лет назад начал свои путевые заметки мужчина.

Возможно, и это ложь.

Потому если вы не закрыли книгу в отвращении быть обманутым, если вы человек сильного терпения, то в знак уважения к вашей персоне вместо обычного представления я дам совет.

Вкрадчивый совет.

Будьте наготове.

Подготовьте себя.

Хоть я и лжец и мошенник, но я в отличие от робких и угрюмых мастеров абсурда или коварных среднеклассников, увлекающихся переодеванием в девушку, не намерен разыгрывать даже минимум честной игры, чтобы рассказать историю.

Клянусь рассказывать нечестно в соответствии с духом подлого лгуна.

Солгу, если мне захочется; сфабрикую удобную мне историю; скрою ненужные факты и извращу правду.

Если некоторые лгут как дышат, то я лгу как дышу кожей.

Рекомендую читать будучи осторожным с тем, что есть правда, а что есть ложь, то есть, постоянно сомневаться, вскормить демона у себя в сердце, тем не менее не забуду добавить, что возможно, сейчас вы попались в мою ловушку.

Но да ладно.

Сплетаю описания с примесью истинности и полуправду, я попробую рассказать историю любви Сендзёгахары Хитаги и Арааги Коёми.

Любовные отношения старшеклассников меня не интересовали ещё со старшей школы, однако посудачить о проблемах этих помех моему бизнесу милое дело.

Городские легенды.

Слухи улиц.

Сплетни.

И клевета — всё это моя область.

Мои плоть и кровь.

Доказательство, что я это я.

Правдивость не гарантирую, но качество обеспечу. Под конец читатели могут воскликнуть «и поделом», но где-то в глубине души я думаю, что мне стоит навестить этих двоих.

Если у меня есть душа.

Если существую я сам.

Тогда это довольно забавно.

Начнём последнюю историю, но, конечно, это может оказаться ложью.

В тот день я ходил в один известный храм в Киото, префектура Киото, Япония. Наверное, если кто-то узнает, что его посещал я, репутация храма пострадает, так что название его скрою, но этот день стал памятным в том смысле, что именно тогда меня вовлекли в эту игру в любовь, однако не стану утверждать, что четко запомнил дату, потому что эти двое глубоко впечатлили меня.

Я запомнил этот день просто потому что среди все трёхсот шестидесяти пяти дней в году его вспомнить легче всего — первое января.

Новый год.

И в храм я ходил для нинэн майри.

Но это ложь. Я человек неверующий, даже сомнительно, человек ли я, потому что считаю, что в этом мире ни богов, ни будд нет, да и нет никакого желания, чтобы меня причисляли к людям, словно мусор бросающим деньги, которые дороже жизни.

Если это люди, то я согласен не быть человеком.

Вообще, когда-то давно я с помощью аферы разгромил одну довольно масштабную секту — в мире без богов и будд люди бессердечны.

Скорее всего, такие люди храмы не посещают, а если и заходят, то никакой бог пожертвований от них не получит. Такие люди, если и откажутся не проходить ворота храма, то у ящика для пожертвований развернутся и уйдут. Естественно, пробовать такую забаву я не намерен.

Если вернуться к вопросу, чем же я занимался на территории храма, наводнённого прихожанами, то конечно же, чтобы подработать священником — иначе и быть не может. Мико на подработку это нам известно, но чтобы набирать временных священников... Хотя даже мико, по сути, не должны быть подработкой.

Как по мне, всё это хитро продуманная афера.

Тем не менее я несколько это не осуждаю — даже наоборот, всячески призываю принять участие. Всё-таки большинство прихожан ходят именно за такой новогодней атмосферой.

Люди без тени сомнения верят, что местная студентка, надевшая одеяние мико, и есть мико, и, естественно, поддаются обману.

Думаю, верить во что-то это и есть быть обманутым.

И была причина, по которой я посетил храм в Новый год и глядел на бездейственную толпу, — я пришёл в храм, чтобы исследовать людей, бросающих словно мусор деньги, которые важнее жизни; чтобы изучить поведение таких людей.

Среднестатистический добропорядочный гражданин.

Среднестатистический боящийся сомневаться гражданин.

Чтобы помнить, что таким мне не стать, что это будет конец, я каждый Новый год посещаю храм. Даже не в новогодние праздники, даже в середине лета, когда настроение на нуле, когда бизнес терпит крах, я посещаю какой-нибудь храм, чтобы очистить мысли.

Там, конечно, не такая сутолока, как в Новый год, да и деньги как мусор не бросают, но там всегда можно найти парочку прихожан.

Всегда найдутся дурачки.

Люди.

Взглянув на такого человека, я сразу вспоминаю, что таким мне не стать, и это уже конец.

Предостережение.

Самодисциплина.

Когда я это говорю, это, может, действительно так выглядит, но, возможно, причина на самом деле совершенно иная. Может быть, я там молюсь за здоровье в приходящем году или за удачный брак.

Если углубиться, то, наверное, всем этим «возможно» не будет конца.

В общем, причина, по которой я находился в храме, на самом деле не имеет никакого значения, потому что с этого момента история не связана с предшествующими событиями. Важно лишь то, что в тот момент я находился в храме в Киото.

Конечно же, я не живу в Киото. И я не просто заехал в ближайший храм. Скажу больше, у меня в принципе нет места, которое я бы ощущал своим «домом». Наверное, можно упомянуть муниципалитет, где у меня должна быть регистрация, но её я продал ещё в юности.

Ну, про юность это ложь, а про продал ложь наполовину, но регистрации сейчас у меня действительно нет — человек по имени Кайки Дейсю уже сколько лет как погиб в автокатастрофе. Тогда же я, само собой, получил за это страховку.

Если это и выдумка, то звучит не очень правдиво.

Тем не менее я могу поклясться пред богами, что я странник без постоянного дома, поклясться не в храме, но пред богами.

В этом плане я и мой близкий друг Ошино Мэмэ ведём не слишком разную жизнь — если разница и есть, то только в том, что он любит спать в заброшенных домах, а мне нравится ночевать в роскошных отелях.

Это, так сказать, дело вкуса, разницы в положении никакой. Ошино так же ненавидит роскошные отели, мобильные телефоны и грязные деньги, как я не приемлю сон под открытым небом.

Тем не менее, если его бродячая жизнь — полевые исследования по роду работы, то моя скорее жизнь беглеца, если оценивать по положению, то Ошино всё-таки благородный, а я — низменный.

В любом случае тогда я находился в Киото, не потому что живу там — я, в отличие от Кагэнуй, свободно не владею путанным киотским диалектом, да и не проникся оммёдо этого города.

Просто новогодние праздники стойко ассоциируются с Киото, потому на Новый год я всегда езжу в Киото — звучит ли это фальшиво?

Ну, здесь на самом деле подойдет любое место — будь то известный токийский храм или именитый храм в Фукуоке.

Киото я назвал исключительно для удобства, думаю, действительной разницы нет — вы можете без лишних проблем считать, что я с шиком провёл новогодние праздники где-нибудь на Гавайях или, если пожелаете, находился на месте военных действий. Несомненно меня не было в том тихом и мирном городе, в который мне вход запрещён, однако даже это не точно.

В общем, это неважно.

Как бы вы не посчитали, мне это безразлично.

Где я был, что чувствовал и чем занимался не имеет никакого значения относительно начала этой истории.

Где бы не произошло начало я до самого конца, до самой финишной черты оставался лишь посторонним.

Потому важно здесь время.

Время.

Временная линия новогодних праздников — только это имеет значение. Первое января так надолго запоминается и оставляет впечатлений на весь год, потому что это, конечно же, особенный день даже для таких, как я — даже для меня, уже взрослого мужчины, не углядывающего никакой прелести ни в летних, ни в зимних, ни в весенних каникулах, потому что в этот важный день все, включая старшеклассников, получают новогодние подарки и открытки.

И в такой важный день мне позвонили.

Позвонила старшеклассница.

— Алло, Кайки ты? Это Сендзёгахара Хитаги.

Назвалась, словно ножом ударила.

Если судить исключительно по голосу, то старшекласницей её не назвать.

— Я хочу, чтобы ты обманул одного человека.

003

Говорят, что «ленивый только в праздник работает», но ленивым я слыть не намерен, скорее даже претендую на труженика, так что нисколько не сопротивляюсь работе в новогодние праздники. Искренне верю, что мошенники по сути своей настоящие трудяги.

Там, где поклоняются сугубо закону, стоимость затрат не оправдается только при непростительном преступлении — и худшее здесь, что тебя погонят и невзлюбят. Иногда меня одолевают сомнения, приносит ли выгоду серьёзное отношение к работе? Однако я к работе не настолько серьёзен.

С позиции защищённого фирмой это такая себе серьёзность, хотя я не настолько стеснён в средствах, чтобы в новогодние праздники беззаботно принять внезапную, словно случайная встреча на улице просьбу.

Завтра от голода я не умру.

На самом деле параллельно у меня шло уже пять-шесть афер — пять-шесть это, конечно, некоторое важничанье и манипулирование цифрами, но в общем-то это не настолько ложь. Все лгут о своей работе.

Поэтому я отвечаю:

— А?

А?

В общем, я притворился, что и не слышал этой просьбы, нет, не слышал даже вопроса об имени.

— Не валяй дурака. Это же ты, Кайки.

— Я Судзуки. Пишется, как колокольчик, который на ошейнике, и дерево в «нос к верхушке задирать». «鈴木». Прости, как вас? Сэндзёгахара? Знаете, не припоминаю таких.

Я продолжал играть в несознанку с этой настигшей меня старшекласницей, однако она скорее словно бы удивилась.

— Ладно. И Судзуки сойдёт.

Приняла она.

— Я тоже не Сэндзёгахара, а Сэнсёгахара.

Сэнсёгахара.

Кто? Это где?

Определённо место в регионе Тохоку. Ездил туда, когда строил аферу с туристическим агентством. Хорошее место. Хотя может, и не ездил. Может, и не было никакой аферы.

В любом случае ответ меня устроил.

Небрежно выслушал её.

Нет, если бы я действительно не хотел работать в праздники, я бы вытащил батарею из сотового, разломал бы сим-карту и выбросил бы всё это куда подальше — так что раз уж я ответил на звонок, то уже с самого начала, скорее всего, намеревался принять дело.

И вовсе не важно, кто мой клиент.

Потому согласно предчувствию, я притворился, словно ждал звонка от неё.

— Судзуки, — сказала она.

Сказала незнакомая мне женщина по имени Сэнсёгахара, кто она я не знаю, но по возрасту она определённо скорее девушка, чем женщина.

— Я хочу, чтобы ты обманул одного человека. Лучше переговорить лично, куда мне подъехать? Ты где сейчас?

— В Окинаве, — незамедлительно ответил я.

Почему-то ответил так сразу.

— В городе Наха, завтракаю в кафе.

Я, конечно, говорил, что моё местоположение может быть любым, но всё-таки это ложь — я на самом деле был в Окинаве.

В Окинаве, туристическом центре Японии.

Как-то сомнительно, по крайней мере, в этот Новый год я не мог быть в Окинаве.

Мгновенная ложь.

Я, может, не говорил, но лгу я с поразительной частотой.

Это скорее профессиональная деформация, чем издержки профессии. Вероятность того, что при ответе прозвучит ложь, пятьдесят процентов.

Для подающего процент в самый раз, но для мошенника высоковат.

Однако тогда это была не привычка и не болезнь, а тактический обман.

Для этой вот Сенсёгахары вполне оправданные меры.

После упоминания Окинавы изменившаяся настолько, что смогла начать отношения, страшная девушка по ту сторону трубки, скорее всего, должна резко сдать.

Ощущение предстоящих трудностей сразу сломят волю человека.

Сдайся, сдайся.

Однако мои расчёты, к сожалению, не оправдали себя, Сендзёгахара, то есть, Сэнсёгахара мгновенно ответила:

— Понятно. Окинава, значит. Скоро приеду. Я уже обулась. Позвоню, когда приземлюсь в аэропорту.

Собралась в Окинаву так же спокойно, словно в соседний парк прогуляться. Есть, конечно, вариант, что она отмечала Новый год где-то неподалёку от Наха, но сейчас её семья не располагает достаточными на это средствами, но тем не менее.

Но тем не менее она без всяких колебаний решила ехать в Окинаву, и похоже, я в достаточно трудной ситуации из-за этого.

Теперь я уже и не понимаю, кто такая эта девушка.

В прошлом обманутая мной семья девушки осталась без гроша, но, возможно, Сенсёгахара-сан вновь разбогатела и переселилась в Окинаву?

— И не выключай телефон. Если я не смогу с тобой связаться из-за того, что ты вне зоны доступа, то прибью.

Выплюнув это предупреждение, Сенсёгахара положила трубку.

Я должен быть благодарен за то чудо, что в Новый год в многотысячной толпе прошёл звонок, и я смог на него ответить.

Этот мир полон чудес.

В основном, бесполезных.

Хотя прямо перед своим предупреждением, перед тем, как положить трубку, Сенсёгахара сказала что-то ещё.

Что-то.

Если я не ослышался, она, вроде бы, шёпотом добавила:

— Пожалуйста, помоги.

Пожалуйста, помоги.

Пожалуйста.

Помоги.

Эта девушка должна испытывать ко мне злобу до мозга костей, и вдруг говорит такое, невероятно. Ну, та звонила девушка или какая другая, но в любом случае она определённо была в отчаянии.

Так или иначе.

В тот день из-за своей жалкой лжи мне пришлось поехать в Окинаву.

004

Единственными затратами на проезд была лишь оплата билета автобуса до аэропорта — её, конечно, нельзя не учесть, но я это я, и у меня есть карта премиум пасс, по которой можно купить авиабилеты по всей Японии.

Картой премиум пасс, если точнее, премиум пасс 300 по предварительной оплате в три миллиона йен в течение года, с октября по сентябрь, можно свободно взять до трёх сотен билетов на любые места и любой маршрут внутри страны, ну, если объяснить попроще, то это такая экстравагантная книжка с отрывными билетами.

Перелёт с Хоккайдо до Окинавы в конечном счёте занял около десяти тысяч йен, так что карта довольно удобна — с Хоккайдо на Окинаву прямых рейсов нет, потому с двумя пересадками я использовал именно карту.

Вообще, есть вопрос, как истратить триста билетов за лишь триста шестьдесят пять дней в году? Кто-то действительно может жить в каждодневных перелётах? Даже такой странник, как я, не в состоянии использовать эту карту до конца.

Потому, как и рассчитывается, за один перелёт десяти тысяч не истратить, тем не менее даже если я использую только сто билетов, то более чем достаточно возмещу свои убытки и без жалоб, даже с удовольствием куплю новую карту.

Я как человек любящий делать покупки люблю покупать всякие эффектные, дорогие и интересные безделушки, поэтому премиум пасс, удовлетворяющий всем, думаю, был хорошей покупкой.

Кстати, таких карт всего три сотни.

Человек моих взглядов не может не прийти в восторг от того, что, возможно, стоят после двухсот девяносто девяти людей, однако большая часть эти двухсот девяносто девяти людей — престижные клерки, которые глубоко презирают таких мошенников, как я, так что если глубоко задуматься, ничего в этом такого нет. Сомнительное дело.

В любом случае я не того социального статуса, чтобы размахивать кредиткой направо-налево, и сейчас денег у меня не слишком много (в конце года хорошо потратился, а в новогодние праздники банкоматы не работают), благодаря этой карте даже с предварительным заказом не возникнет сложностей с перелётом в Окинаву.

К счастью, предварительных заказов было немного.

Прибыл в аэропорт Наха из нового кансайского аэропорта.

Всё равно в любом случае это ближайший аэропорт.

Сейчас зимние каникулы, но видимо, для людей не так уж странно приезжать на Новый год в Окинаву. Интересно, я приду раньше Сендзёгахары, то есть, Сэнсёгахары? Ладно, оставим это на волю случая.

Если она сейчас летит...

Она сказала, что не будет выключать мобильный телефон, но всё-таки в самолёте его нужно будет отключить — это правило защищает меня.

Однако оно вскоре будет поправлено.

Раньше во время полёта все девайсы (плееры, ноутбуки и игровые приставки), издающие электромагнитные волны, включая и мобильные телефоны, должны быть выключены, но теперь можно не отключать, пока двери самолёта не закроются (в общем, можно звонить из самолёта, пока двери открыты), когда после посадки двери откроют, можно будет включить питание ещё до того, как сойдёшь с самолёта.

Приборы остановившегося самолёта сходят с ума, однако особых проблем это не создаёт — детально я в это не вдавался, но, вроде бы, так говорят.

Вообще, как-то звучит сомнительно, что электромагнитные волны сотового действительно оказывают влияние на приборы и создают этим проблемы при полёте, но это неважно.

Я бы хотел заметить, что правила имеют свойства меняться, не успеешь ты и глазом моргнуть.

В закон о дорожном движении были внесены поправки, и теперь езда на велосипеде по тротуару больше не является правонарушением. Если обратиться к недавнему, то любящий велосипеды Арааги Коёми наверняка этого не знает.

Ездит, не зная.

Ну, в нынешние времена и теорию относительности отрицают, множество законов изменилось — это множится и это отвратительно.

А, если поговорить об обратной стороне правила, то хоть и нужно отключать питание множества электроприборов, но почему-то кассетные и CD-плееры не создают проблем при посадке и взлёте.

Это уже не электронные устройства, что ли?

Ну, у меня сейчас, конечно, кассетного плеера нет, так что меня это не касается, но такие «исключения из правил» — моя работа.

Потому всё держу в уме.

Мысли.

Не стоит забывать, что порождает сомнения.

Защищать правило это не верить в него.

Думать, думать, думать.

В этом плане во время полёта думать это оптимальный выбор — когда пристёгнут ремнями безопасности, остаётся только думать.

И сейчас я должен обдумать, не пользоваться девайсами во время полёта, а, конечно же, подумать о работе, за которую я сейчас возьмусь.

Хотя, не обязательно возьмусь.

Может, откажусь.

Сначала послушаю её, да и даже такую решимость я легко отклоню. Изменяю решение и из аэропорта Наха перелечу в какой-нибудь другой аэропорт.

Жизнь мне дорога, она важнее денег, так что я не стану нарушать обещание данное грозной Сендзё, то есть, Сэнсёгахаре, готовой «прибить» меня, если не выполню обещанного... ну, тут я живу с сомнением в собственном решении.

В любом случае запрос от Сэнсёгахары.

Неизвестный мне запрос от незнакомой мне девушки.

Будет ли выгодно?

Что Сендзёгахара, что Сэнсёгахара, всё равно она ученица третьего класса старшей школы — не думаю, что у школьницы найдётся достаточно много денег.

Времена меняются, школьник-президент компании, получающий миллионы в год, не так уж и невозможен, однако такие люди не обращаются к таким сомнительным личностям, как я, и тем более не просят об афере.

Обман.

— Я хочу, чтобы ты обманул одного человека.

Как это понимать?

Хотя, наверное, и не надо как-то понимать. Может, она это сказала, только чтобы привлечь мой интерес — остаётся вероятность, что обмануть это лишь подлог, а в Окинаве меня ждёт шайка бандитов или наряд полиции, подготовленный ей.

Хм.

Всё-таки достаточно ли высокая вероятность?

Однако я профессионал, так что очень не думаю, что испугаюсь такого окружения. Для меня это не станет избиением. Самое большее — хорошая разминка.

Нужный стимул к жизни.

К тому же, если она настолько никчёмна, то я больше не стану волноваться о своей дальнейшей жизни — наконец смогу освободиться от мысли, что она когда-нибудь ударит мне ножом в спину.

Поэтому если смысл есть — если в словах «я хочу, чтобы ты обманул одного человека» есть смысл, если она официально намерена просить меня, то для меня это сулит большие трудности.

Можно сказать, избиение.

Стоит испугаться.

Не сказал бы, что можно расслабиться на этой, по крайней мере, хорошей разминке.

Я тренировался, чтобы мои эмоции явно не проявлялись, однако в совершенном контроле эмоций нет смысла.

Чувствовать страх нормально.

Если страшно, боишься.

Думаю, если человек перестаёт это чувствовать, то подходит его конец — я слышал мнение, что человек уже кончен, когда занимается обманом, но притворимся, будто не слышал.

Но так же, как чувствую страх, я чувствую и интерес, мои мысли текут, подстегаемые любопытством.

Захвачены.

Двигаются вперёд сквозь преграду страха.

Эта незнакомая мне девушка хочет обмануть человека — сама ставшая жертвой обмана, сама испытывая это пытается так же обмануть кого-то.

Очень интересно.

Смотрю на это с любопытством.

Меня никогда не обманывали, так что не знаю, но насколько слышал, жертва не превращается в хищника, она всегда продолжает оставаться жертвой.

Когда встретишься с жертвой обмана, она не изменится и в следующий раз так же станет целью афериста.

Весьма странно, что эта девушка, хоть и незнакомая мне, просит именно меня участвовать в афере — чувствую в этом пункте что-то неуместное.

Если подобрать другие слова, то не неуместно, а какое-то неприятное предчувствие.

Неприятное предчувствие.

Отвратительное предчувствие.

Совсем не приятная работка.

Есть мнение, что это, возможно, дело изначально неприятное... и от этого предчувствие ещё более неприятное.

Я сел в первом классе самолёта и мог попросить алкоголя, но решил воздержаться. Пока не узнаю, что выдаст Сендзё, то есть, Сэнсёгахара, хочу оставить ум трезвым насколько это возможно.

005

По прибытию в аэропорт Наха, как только открылись двери самолёта мой телефон зазвонил, словно за мной наблюдали, словно действительно глядели откуда-то, словно скорее неотрывно следили, чем просто попали вовремя.

Если так говорить, то в принципе ограниченное число человек знает этот номер, но если это

Сэнсёгахара-Сендзёгахара, то смысла запоминать номер нет.

То есть мой номер, который она знает, честно говоря, она сама и уничтожила — ну, строго говоря, уничтожила телефон, номер я смог перетащить, однако рассудив, что опасно продолжать пользоваться известным ей номером, тут же завёл новый.

Но она же могла и получить мои контакты? Да, в принципе, кто угодно может заполучить некоторую долю личной информации, если приложит усилия.

Она не как мой хорошо знакомый сэмпай, которая знает всё.

Однако кое-что может знать.

Если быть терпеливым — у большинства людей терпения не больше, чем кажется.

Люди ленивы.

Ленивость даже хуже глупости.

Убивать людей лень, а не скучно.

— Кайки? Я уже здесь.

— Что за Кайки? Меня зовут Судзуки, Сэнсёгахара-сан.

— Да хватит уже с этим спектаклем. Прекращай играть в детские игры. Куда мне идти? — резко оборвала мои глупости Сэнсёгахара.

— Сэнсёгахара-сан, — сказал я.

Спектакль, детские игры, ну, это своего рода ложь.

То есть привычка.

Вредная привычка.

— На самом деле я уже встречаю вас в аэропорту.

— Ох как.

— Раз заставил клиента лететь, то это естественно... так что встретимся в зале аэропорта.

— Ну и ну. Благодарю за внимание. Какой удобный мошенник. Даже смешно.

Так и вижу лицо Сэнсёгахары, на котором ни тени улыбки, словно говорим сейчас по видеофону.

Не вижу ни капли изменений.

Всё та же, что и два года назад.

В чём дело, что там Арараги Коёми вообще делает — кто такой Арараги Коёми я не имею ни малейшего понятия — однако, чем же этот дурак занимается?

О чём он думал, когда упускал из виду такую опасную девушку?

Или Сендзёгахара изменилась и снова передумала? Событий прошло достаточно, может, она хочет поговорить со мной об этом?

Если так.

Если так...

— Думаю, ты был где-то в Японии и прилетел в Окинаву. Так же, как и я, только что приземлился в аэропорту?

Сэнсёгахара говорит словно прямо видит — в этом отношении главное не растеряться...

Маловероятно, чтобы она за такое короткое время информирования клиентов ANA смогла пройти.

Так что это скорее едкое замечание, чем догадка. Потому что хорошо меня знает.

— Не понимаю о чём вы. Я только что прибыл в аэропорт на монорельсе, — спокойно ответил я.

Лгать для меня на порядок легче, чем говорить правду — обычно я всегда вру.

По духу ближе к автоматической работе секретаря.

Естественное явление.

Я знаком с Ошино, профессионалом в чтении людей насквозь, и тем более с Гаэн-сэмпай, так что не испытываю каких-то неудобств относительно того, что за мной могут следить или наблюдать.

Если хотят, то пусть наблюдают сколько душе угодно.

Я буду лгать обо всём, что вижу, как можно больше правды заменить ложью — таково моё убеждение.

Убеждение? Да, что-то такое у меня было.

Когда. Когда же.

— Хорошо. Ну да неважно. Зал это слишком неопределённо. Может, встретимся в каком-нибудь кафе аэропорта?

— Понятно. Тогда так и поступим, — крайне вежливо, без деланной любезности согласился я.

Даже без прямой встречи с Сэнсёгахарой трудно держать этот тон.

— Зайдите в любое кафе и подождите за чашечкой кофе. Я окликну вас.

— После того, как зайду в кафе, скинуть название по мобильному?

— Ненужно. Я не собираюсь утруждать клиента. Сам обойду все кафе аэропорта, пока вы, Сэнсёгахара-сама, будете ждать и элегантно попивать чай.

— Это будет наша первая встреча, — сказала она.

То ли от встречи со мной, то ли от изумления, она, похоже, продолжила наш нарочитый спектакль.

— Не лучше ли будет определить какие-нибудь приметы?

— Верно. Тогда в правой руке держите айфон.

— Сейчас многие пользуются айфонами. Нельзя так просто отличить.

— Айфон старой модели.

Шутка. Глупая шутка. Хорошо если не злая.

Если я поскорее не выйду из самолёта, то начнётся уборка, так что нужно уже вешать трубку, для шуток не время, но я всё равно продолжил.

В студенческие года Ошино часто ругался на это.

Ох уж этот Ошино.

Думал, что он последний, с кем бы мне хотелось поговорить, но как ни печально признавать, что наоборот поговорить стоит именно с ним.

Я собирался повзрослеть, однако до сих пор не вылез из разговоров на уровне старшекласницы.

— Мой мобильный это не айфон. Я не могу его использовать, потому что в доме нет компьютера.

— Ох, вот как?

— Поэтому надену очки для приметы.

С этим она положила трубку.

Думаю, внутри будет полно людей в очках... хотя разве она носит очки?

Интересно, не упало ли у неё зрение за подготовкой к экзаменам.

Но плохое зрение или хорошее неважно, многое, думаю, определяется наследственностью, так что даже «плод трудов» не повлияет на зрение — к тому же, больше скажу, к экзаменам она не готовится.

Я легко управлялся с сутью подготовки, однако Сендзёгахара с пренебрежением фыркает на эту суть.

«Если подготавливаешься, то напряжение падает, и оценки вместе с ним», — словно шутит она.

Интересно, есть ли тут связь, что если забавляешься, то оценки поднимаются?

Я знаю её способности на первом году в старшей школе, и если они возросли, то она свободно поступит практически в любой университет без подготовки.

В таком случае очки это, скорее всего, просто шутка. Она из того типа людей, которые шутят с прямо-таки непозволительно серьёзной серьёзностью.

Или, если углубиться в это дело, эта девушка стала такой из-за моего влияния... мой характер сильно отвращает старшекласниц-первогодок и подростков.

Как бы то ни было я положил сотовый в карман и сошёл с самолёта — ручной клади нет. Это не

только сегодня, у меня принцип никогда не брать ручную кладь.

Моё тело — моё богатство.

Не хочу носить что-то, что не помещается в карманах.

Конечно, от содержания работы это так не зависит, но от любого потребовавшегося оборудования я предпочту сразу же избавиться.

Ошино как-то давно высказался, что мой образ жизни это чрезмерная крайность, но поэтому я и не хочу с ним говорить.

На самом деле.

Вспомнились годы студенчества, сердца коснулась лёгкая ностальгия, и я теперь шагаю по земле, а не лечу по воздуху — про ностальгию, естественно, наглая ложь.

006

Затем я побродил по аэропорту Наха — клиента нашёл мгновенно, времени особо не заняло. В Окинаву я приезжаю не в первый раз, так что в общем представляю, где тут располагаются кафе, но на самом деле Сэнсёгахара крайне выделялась своей «приметой» — надела «очки».

Приметнее них просто быть не может.

Легко заметить даже снаружи.

Могу быть уверен, потому что её «очки» — это карнавальные очки с фальшивым носом и бровями.

А ещё с усами.

Нет ничего заметнее старшеклассницы в школьной форме и карнавальных очках — это уже чудаковатость, а не заметность. Подумать только, даже я удивился.

В магазинах аэропорта такие очки не продаются, так что она подготовилась ещё до разговора со мной о примете... ох, да как же это глупо всё.

Однако это значит, что тут она меня обошла.

Ощутил горечь поражения.

Чувствую себя неудачником.

Критерий победы или поражения здесь очень тонок и деликатен, так что объяснить это трудно, но если по-простому, то ты проигрываешь, как только подумаешь, что проиграл.

Не знаю, Сэндзёгахара или Сэнсёгахара это, но хоть я её и отыскал, но входить в кафе мне не хочется.

Если сейчас как ни в чём ни бывало зайду и сяду перед ней, то упущу инициативу. Тогда весь разговор от начала до конца пройдёт в её темпе — не люблю такое.

Ненавижу.

Я отошёл от кафе и направился к сувенирному магазинчику, там купил гавайскую рубашку и солнцезащитные очки — в магазинах Окинавы их всегда можно найти.

Почему гавайские рубахи продают в Окинаве — загадка.... Ну, в принципе, если проследить историю особого товара Гавайев — гавайских рубашек, то окажется, что они берут начало от японских кимоно, так что в таком реимпорте ничего удивительного.

После я зашёл в туалет, снял пальто и рубашку и надел гавайскую рубашку с солнцезащитными очками. Проверился в зеркало. Оттуда на меня смотрел весёлого вида мужчина — только укулеле не хватает, но нет ничего совершенного.

Если не прекратишь игры, то в нужный момент не сможешь двинуться — прямо как с рулём автомобиля.

Убедившись, что в карманах ничего не осталось, я бросил пальто с рубашкой и галстуком в мусорную корзину, после чего снова направился к кафе, в котором меня ожидал клиент.

Я без колебаний, сохраняя холодное, без всякой робости, выражение лица, сел напротив клиента

за столик.

— Пфу!

Девушка в очках выплюнула апельсиновый сок от неожиданности.

Наверное, хотела поперечить моему совету, и поэтому пила не чай или кофе, а сок.

В любом случае я заставил её выплюнуть напиток, и что бы она ни пила это оказалось у меня как на ладони.

Ху-ху-ху.

Победил.

Ментальная победа.

Мысленно я принял позу победителя, но на лице, естественно, не выразил ни грамма эмоций.

Как ни в чём не бывало без всякой спешки и нервов я сделал заказ подошедшему с тряпкой в руках официанту:

— Чашку кофе. И ещё один стакан апельсинового сока для девушки.

В аэропорту Окинавы мужчины в чёрных очках и гавайских рубашках, похоже, не редкость: официант принял заказ и ушёл. Хотя он с сомнением поглядел на старшекласницу передо мной, которая стучала себя по груди.

— Т-вой обычный, — наконец еле выдавила старшекласница в карнавальных очках, — траурный костюм, что с ним?.. В Окинавe даже такие, как ты... даже такие веселятся?

— Он не траурный. Не все чёрные костюмы — траурные.

Как я и думал, при личной встрече вежливый стиль никак не идёт.

Мне хотелось ещё продолжить наш спектакль, но осознав это, я тут же всё прекратил.

Я мрачен, ложь в моей природе.

Я буду обманывать даже самого себя.

— Даже я ношу гавайскую рубашку.

— Если присмотреться, то ниже пояса твой обычный костюм... и кожаные туфли. Я сейчас снова рассмеюсь из-за такого сочетания...

Хм.

Печально смешить кого-то ненамеренно.

Я раздражён. Я настолько мелкий человек?

— А ты обрезала волосы? Удивлён, тебе подходит, не так ли?

Я, может, и мелок, но нарочно не упомянул про её карнавальные очки, то есть проигнорировал, перевёл разговор на её волосы, длина которых с нашей последней встречи заметно сократилась. Однако о том, что она обрезала волосы, я знал — летом Арараги Коёми показывал фотографию, так что вовсе я и не удивлён.

Хотя если вспомнить снимок, то волосы немного отрасли, вроде бы?

— ...

Она вытерла тряпкой сок, который выплюнула, а затем повернулась ко мне — наконец вернула свой дерзкий вид, но, карнавальных очков не сняла.

Похоже, уже упустила возможность убрать их.

— Давно не виделись, Сэнсёгахара.

— Давно не виделись, Судзуки.

Встреча спустя полгода.

Должно быть полгода.

Может и нет.

Не имеет значения.

Итак, я снова встретился с девушкой, с которой думал никогда больше не пересекусь, которая, думал я, убьёт меня в момент встречи, с девушкой, чью семью я однажды крупно обманул.

С Сендзёгахарой Хитаги.

— Ты связалась со мной. Зачем? Что-то случилось?

— Я хочу, чтобы ты обманул одного человека.

Сэнсёгахара, хотя мне уже нет нужды обращаться как клиенту, Сендзёгахара Хитаги, ученица третьего класса старшей школы, вроде бы, Наоэцу, повторила сказанное по телефону. Таким тоном, будто по шпаргалке мне вещает.

Судя по такому поведению, слова «пожалуйста, помоги» мне слышались или, наверное, прости придумалось.

Впрочем, уже неважно.

Хотя есть ли вообще что-то важное для меня?

Если тот шёпот был лишь уловкой, чтобы приманить меня, то я нисколько не удивлён — на самом деле когда я услышал просьбу, и меня позвали сюда, когда всё это осуществлялось, содержание этого разговора было уже совершенно неважно.

Прошное меня не волнует.

Потому если эта девушка передо мной и была когда-то давно обманута, или просто туристка, или дочь учителя, которому я благодарен, то это всё одинаково.

Одинаково неважно.

— Я хочу, чтобы ты обманул одного человека, — снова сказала она.

Уже третий раз, она словно больше сама с собой говорит, чем со мной.

Думает только как убедить меня.

— Сможешь ли ты обмануть.

— Ты слишком размыто говоришь. Конечно же, нет того, кого я бы не смог обмануть... — сказал я нарочито важно.

Такие громкие слова Сендзёгахара не любит больше всего. Когда не знаешь, что сказать, говорить то, что не любит твой собеседник, моя позиция — постараться не понравиться ему.

Есть ли в этом смысл?

Особого нет.

Просто удобней, когда тебя недолюбливают, чем когда питают симпатию — если так рассказывать, то думаю, когда ты нравишься, тебя не берут в расчёт, а когда не любят, то относятся со всем вниманием.

Вот так.

— ...но пока ты не расскажешь мне всё конкретней, я не смогу ответить.

— Я намерена сохранить твою честь старшего, но не вышестоящего, и просто передала работу в форме просьбы, а ты должен её принять.

— И что же это?

Я пожал плечами.

Не понял, что она сказала.

Смысл какой-то туманный.

— Ты говоришь о компенсации? В прошлом ты прошла через трудности, хочешь, чтобы я возместил тебе это? Вот оно что... Ты выросла, Сендзёгахара. А вот грудь нет.

Естественно, я прибавил эту пошлость в конце ради ненависти, однако для девушки, связавшей свою жизнь с любителем девочек, Арараги Коёми, эти слова, наверное, особого смысла не несут — к тому же, она уже несколько лет назад прознала про мою манеру «вызывания ненависти».

Прознала, словно пронзила насквозь даже не ножом, а острым кончиком ручки.

В таком случае всё это совершенно бессмысленно.

Словно магические трюки со складками живота — жертва мошенничества легче попадётся в следующий раз, но не думаю, что снова смогу обвести вокруг пальца эту девчонку, которую уже

с таким трудом обманул.

Не думаю.

— Это не возмещение для меня.

На Сендзёгахару мои слова не возымели никакого эффекта.

Мне неприятно такое отношение.

Крайне неприятно.

— Раны, нанесённые тобой полностью покрыл Арараги-кун.

— Оу. Это превосходно. Так трогательно.

— А возместить ты должен кое-что другое — и ты сделаешь это.

— Такое помыкание мне несколько отвратительно, — сказал я.

Редкая честность — в моём случае такая честность может прозвучать лживо, но это действительно была правда.

— Если так, то я сейчас же удаляюсь.

— Если что такое сделаешь, я тебя порежу. Не думай, будто я пришла сюда не подготовившись.

— ...

Интуиция подсказывает, что это ложь.

Я сказал «интуиция», но на самом деле это не она — простое рассуждение. Перед посадкой на самолёт у неё бы всё равно должны были изъять все режущие предметы.

Ну, возможно, и могла пронести в ручной клади... ну, если нет, и она не подготовила режущие предметы, то всё равно если ошибусь, то Сендзёгахара убьёт меня.

Этого от меня она и добивается.

Я это и сделаю.

Поэтому я и не намерен ничего возмещать, это бы означало, что я извиняюсь за заработанные тогда деньги.

Никаких извинений за деньги.

Никогда и ни за что.

Однако сколь мне неприятно это помыкание, столь мне и любопытно.

Если речь не о возмещении Сендзёгахаре, то тогда кому я буду возмещать?

Кому и за что?

Неужели ей?

Младшей сестре Арараги Коёми?

Да, она... как её там, Арараги Карэн. Весьма храбрая девочка. Ни за что не оставит своих друзей, эдакий глупый ребёнок. На удивление мне понравилась. Поэтому и запомнил.

Хм, если компенсация ей, то это уже поинтересней.

Но ни за что.

С самого момента нашей встречи всё очевидно забурлило, но почему я должен что-то делать ради этой наглой девчонки?

Нет, даже если заплатит — хотя, если заплатит, подумаю. По крайней мере, обсужу. Ну а остальное зависит от суммы.

— Зарезанным быть я не хочу. Ничего не поделать, послушаю тебя. Хотя не понимаю, стоит ли слушать...

Любопытство победило неприязнь.

Сказал этой старшекласснице то. Что она хотела услышать.

Гордости совсем не осталось — вообще, когда она была на первом году старшей школы, я такое себе не позволял, потому сейчас в подобном мало смысла.

— Расскажи, Сендзёгахара. Кого ты хочешь, чтобы я обманул? Намекни, если я знаю этого человека.

— Сэнгоку Надэко, — сказала Сендзёгахара.

Такой прямой ответ легко понять, но в то же время я с полным разочарованием осознал, что с владельцем этого имени не знаком.